

ГЛАВА II. Этическое приукрашивание социальной борьбы

Любой человек, всерьез занимающийся историей, знает, что господствующие социальные классы во все времена были озабочены тем, как передать достигнутую ими политическую власть по наследству. Наследование политической власти всегда было одним из самых эффективных способов сохранить классовое господство. Здесь прослеживается тот же исторический процесс, что утвердил буржуазные порядки в сфере сексуальной жизни: нерасторжимость брака, строгие наказания за измены и так называемый майорат. Насколько можно судить по немногочисленным древним источникам, в основе буржуазной семьи лежала тенденция, согласно которой мужчина, достигший определенного экономического благополучия, стремился передать свое накопленное или награбленное имущество своему законному, насколько это возможно было определить, сыну. Те же самые тенденции мы наблюдаем и в области политики, где они сохраняются благодаря внутренним, органически присущим человеку инстинктам и усиленно поддерживаются экономическим порядком, в основе которого лежит частная собственность на средства производства и в котором по очевидной психологической аналогии политическая власть также рассматривается как наследуемая частная собственность. Как известно, отцовский инстинкт передать в наследство сыну в том числе и свою политическую власть во все времена проявлялся особенно сильно. Он никак не способствовал упадку элективной или возникновению наследственной монархии. Желание сохранить достигнутое когда-то социальное положение своей семьи стало столь сильным, что, по справедливому замечанию Гаэтано Моски, в тех случаях, когда представители правящих классов не могут иметь сыновей, например прелаты Римско-католической церкви, спонтанно и стремительно возникает непотизм[18], что оказывается проявлением неконтролируемого инстинкта самосохранения, инстинкта наследования, явленного в самой радикальной форме.

Аристократии также удалось утвердиться в государственной системе, из которой она, казалось бы, должна быть двояким образом – конституционно и принципиально – исключена. Североамериканские демократы, вынужденные жить под гнетом власти республиканцев, у которых не существует дворянских титулов, все еще далеки от того, чтобы вместе с английской короной избавиться и от аристократии. Аристократия миллиардеров, железнодорожных, нефтяных, мясных королей и т. д. – факт, не оставляющий сомнений.

На появление этого феномена влияют не только причины, возникшие недавно, например концентрация капитала в системе общественной власти или ее тенденция к коллективности, постепенное примирение старого духа республиканства с европейскими идеями, европейскими предрассудками и европейским честолюбием. Даже тогда, когда юная демократия и свобода Америки совсем недавно были окроплены кровью ее граждан, непросто было, согласно рассказу Алексиса де Токвиля, найти хотя бы одного американца, который в самых тщеславных выражениях не хвастался бы тем, что происходит из семьи первопроходцев[19]. Настолько живуч был в тех первых республиканцах «предрассудок аристократизма». И сегодня нью-йоркские семьи с голландскими корнями и голландскими фамилиями принадлежат к бесспорно аристократическому слою населения, это своего рода патриции без внешних патрицианских атрибутов. В Германии мы в течение последних 40 лет стали свидетелями невероятно стремительного процесса, в ходе которого молодую индустриальную буржуазию поглощает родовая аристократия[20]. Немецкое бюргерство феодализируется. Эмансипация ротюров только укрепила позиции своего социального противника – аристократии, предоставив ей свежую кровь и экономические ресурсы. Нувориши не знают иного тщеславия, кроме как поскорее слиться со знатью, чтобы из этого сплава возникло их почти легитимное право на принадлежность к старым правящим классам, право, которое теперь может восприниматься не как приобретенное, а как унаследованное. Здесь мы видим, как принцип (пусть и фиктивного) наследования в значительной степени ускоряет процесс привыкания молодых, восходящих сил к порядкам старого мира.

Этика – лишь декорация в ожесточенной масштабной и в то же время почти незаметной борьбе между новым, восходящим социальным слоем и старым, который то по-настоящему, то притворно отступает. В эпоху демократии этика становится оружием, которым может воспользоваться кто угодно. В условиях старого порядка власть имущие и те, кто мечтал ими стать, говорили о своих правах, только о своих собственных правах. Демократия дипломатичнее, предусмотрительнее. Аргументы такого рода для нее не этичны. Сегодня все публичные политики говорят от имени народа и борются за общие интересы.

Правительство и революционеры, короли и партийные лидеры, тираны милостью Божьей и узурпаторы, одичавшие идеалисты и расчетливые честолюбцы, все они – народ и постоянно твердят, что их действия направлены на воплощение народной воли.

В современной классовой и народной жизни этика стала необходимым аксессуаром, выдумкой. Каждое правительство пытается подпереть свою фактическую власть каким-нибудь абстрактным этическим принципом. Любое общественное движение в своей чистейшей форме старается выставить напоказ собственное человеколюбие. Все вновь возникающие классовые партии в начале своей борьбы за власть перед лицом всего мира заявляют, что хотят освободить от гнета тиранов не столько себя, сколько все человечество, заменить старый и несправедливый режим новым и справедливым. Демократия всегда словоохотлива. Ее словарь – паутина метафор. Демагог – плод, неожиданно выросший на демократической почве, – постоянно переходит от сентиментальности и чувствительности к страданиям народа. «Жертвы заботятся о своих словах, палачи пьяны и слезливая философия» [21], – саркастично замечает Доде. Каждый новый социальный слой, который призывает атаковать привилегии другого класса, уже находящегося у власти (как

экономической, так и политической), всегда выступает под лозунгом: «Ради спасения всего человечества!» Когда молодая французская буржуазия решилась на большую битву против аристократии и духовенства, она начала с торжественной Декларации прав человека и гражданина и ринулась в бой с лозунгом «Свобода. Равенство. Братство». Сегодня мы слышим ораторов совсем другого мощного классового движения – движения наемных рабочих, заявивших, что они ведут классовую борьбу вовсе не из классового эгоизма, а, напротив, как раз для того, чтобы вычеркнуть понятие о социальном классе из социальной жизни; современный социализм в припеве своего теоретического гимна все время повторяет гордые слова: создание бесклассового, гуманного, братского общества!

И все-таки торжествующая буржуазия Декларации прав человека и гражданина установила республику, а не демократию, слова «равенство», «свобода» и «братство» до сих пор можно увидеть на портиках французских тюрем, а Парижская коммуна, которая представляет собой первый, пусть и недолговечный успешный пример рабочей социалистической формы государственного управления, несмотря на свои коммунистические принципы, во времена безденежья оберегала Банк Франции с заботой, достойной консорциума самых непримиримых капиталистов. Революции случались, демократии нет.

Политическая партия особенно любит отождествлять себя со всем мирозданием, ну или хотя бы с большинством сограждан, выступать от имени всего, вести борьбу ради всех, сражаться за все хорошее[22]. Лишь представители социалистических партий изредка провозглашают свои партии исключительно классовыми. Но и они сразу смягчают этот тезис, добавляя, что интересы их партии совпадают с интересами всего народа. В этом утверждении социалистическая партия приближается к действительности, так как в отличие от буржуазных партий, малочисленных по своей природе, она действительно представляет самый многочисленный слой населения[23]. Приближается, но не отражает ее полностью. Когда представители социал-демократии в ходе выборов (из оппортунистских соображений) заявляют, что цель социализма – «раздать всем, но ни у кого не забирать», им можно возразить, что в условиях радикальных имущественных отношений сдержать подобное обещание невозможно; чтобы «раздать», необходимо «забрать», и если работяги хотят экономически потягаться с Ротшильдами, Вандербильтами или князьями Плесе, что было бы возможно только при национализации частного имущества последних, то, очевидно, в условиях социализма вышеназванные окажутся сильно ограниченными в доходах и власти. К той же оппортунистской тенденции можно отнести и теоретическое разделение населения на собственников средств производства и тех, кто от них зависит. Разделение, которое производит социал-демократия, бегло ссылаясь на основной принцип национальной экономики Маркса, согласно которому собственники оказываются капиталистами, а зависимые – социалистами, то есть а priori заинтересованными в победе социализма. В корне ложное убеждение, которое подменяет внешними отношениями сумму дохода – этот единственный или, по крайней мере, самый точный способ определить классовую принадлежность отдельного индивида. В результате понятие пролетариата становится настолько растяжимым, что служащие государственных и частных компаний вполне могут требовать места в рабочей партии; согласно этой теории, генеральные директора концерна «Крупп» или прусские премьер-министры, до тех пор пока они «классово сознательны», могут считаться невладельцами или зависимыми от средств производства и, соответственно, должны быть восторженными последователями

социализма[24].

Антидемократически настроенные ученые называют взлет молодых независимых движений тихим самообманом, фата-моргана, возникшей из потребности поставить всеобщее благо на службу частному [25]. В мире достоверных фактов каждое классовое движение, организованное во имя общего блага, рискует стать жертвой неразрешимого противоречия. Человечество не может обойтись без политических классов. Однако последние могут включать лишь часть общества.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:41:25

Зверобой обновил 19 января 2026 23:41:56